ТАМБОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15 АВГУСТА № 16. 1865 г.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ: 1 и 15 чиселъ, съ Іюля 1861 года. Цѣна за годовое изданіе 4 р. 25 к. сер. съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи Вѣдомостей при Тамбов. Дух. Семинаріи и у всѣхъ Благочинныхъ Тамбовской Епархіи.

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ.

УКАЗЫ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СѴНОДА:

1) Высочайшій Манифестъ о принятіи Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Александромъ Александровичемъ присяги, по совершеннолѣтіи.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Когда Всемогущему Богу угодно было отозвать къ Себѣ Первороднаго Сына НАШЕГО, блаженныя памяти Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича, МЫ, Манифестомъ отъ 12-го Апрѣля се-

го года, возвѣстивъ всѣмъ НАШИМЪ вѣрноподданнымъ о постигшей НАСЪ скорби, на основаніи коренныхъ законовъ Имперіи провозгласили, вмѣстѣ съ тѣмъ, Наслѣдникомъ НАШИМЪ и Цесаревичемъ, втораго, нынѣ старшаго, Сына НАШЕГО, Великаго Князя Александра Александровича, достигшаго уже, тѣми же основными законами установленнаго совершеннолѣтія. Въ настоящій день, Его Императорское Высочество произнесъ торжественно, въ присутствіи НАШЕМЪ, присягу на служеніе НАМЪ и Государству.

Неисповѣдимое въ судьбахъ своихъ Провидѣніе указало торжественному обряду, совершенному за шесть лѣтъ предъ симъ, оплакиваемымъ НАМИ и всею Россіею, въ Бозѣ почившимъ Любезнѣйшимъ Сыномъ НАШИМЪ, повториться, при жизни НАШЕЙ, въ лицѣ Его Брата и законнаго преемника въ наслѣдованіи НАМЪ. Призывая на Него благословеніе Божіе, МЫ, съ непоколебимою вѣрою, молимъ Всевышняго о Его преуспѣяніи на стези, Всемогущею волею Ему нынѣ предначертанной: да ниспошлетъ Ему мудрость и добродѣтели; да руководитъ Его постоянно во всѣхъ дѣлахъ; да сохранитъ Его НАМЪ и любезному Отечеству НАШЕМУ въ утѣшеніе и радость!

Всегда, при всѣхъ событіяхъ, какъ радостныхъ, такъ и горестныхъ, раздѣляя съ любезными НАМЪ вѣрноподданными, исполняющія сердце НАШЕ чувства, МЫ, съ душевнымъ умиленіемъ, видѣли горячее участіе, принятое всею Россіею, въ понесенной НАМИ утратѣ Первород-

наго Сына НАШЕГО, коему не суждено было, наслѣдуя НАМЪ въ великомъ дѣлѣ правленія Государствомъ, осуществить возлагавшіяся на Него надежды. Скорбь НАША, была общая, семейная, во всей Россіи. Да будутъ же и нынѣ надежды НАШИ общія и нераздѣльныя; да присоединятся вновь, въ сей торжественный день празднованія совершеннолѣтія нынѣшняго Наслѣдника Цесаревича, всѣ вѣрноподданные къ молитвамъ НАШИМЪ о ниспосланіи Ему свыше благодати, силы и крѣпости на подъятіе бремени, въ будущемъ Ему предлежащаго; да обратятся на Него общія любовь и преданность, столь искренно всѣми выказанныя къ усопшему Брату Его! Твердо увѣренные въ сихъ чувствахъ, МЫ видимъ въ нихъ нераздѣльную связь между НАМИ и любезными НАМЪ вѣрноподданными, въ основаніе коей положена принесенная ими, при восшествіи НАШЕМЪ на Прародительскій престолъ, присяга въ вѣрности НАМЪ и законному Наслѣднику НАШЕМУ.

Данъ въ С.-Петербургѣ въ 20-й день Іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ пятое, Царствованія же НАШЕГО въ одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ.»

Святѣйшій Правительствующій Сунодъ, по слушаніи предложенія Господина Сунодальнаго Оберъ-Прокурора съ экземпляромъ означеннаго Высочайшаго Манифеста, опредѣленіемъ своимъ,

изложеннымъ въ циркулярномъ указѣ отъ 22 минувшаго Іюля постановилъ: означеннаго Высочайшаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Манифеста, напечатавъ въ Сѵнодальной типографіи потребное, по числу церквей и монастырей въ Имперіи, количество экземпляровъ, разослать при указахъ въ Московскую и Грузино-Имеретинскую Святѣйшаго Сѵнода Конторы, къ Синодальнымъ членамъ и прочимъ преосвященнымъ епархіальнымъ Архіереямъ, а также въ ставропигіальныя лавры и монастыри, съ предписаніемъ, чтобы по сему столь радостному для всѣхъ подданныхъ событію, въ первый по полученіи указа праздничный или воскресный день, по прочтеніи послѣ Божественной литургіи Высочайшаго Манифеста, отправлено было во всѣхъ церквахъ Имперіи благодарственное Господу Богу молебствіе, съ обыкновеннымъ звономъ.

2) О вызовѣ двухъ епархіальныхъ преосвященныхъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ.

По случаю окончанія сроковъ вызваннымъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ Архіереямъ, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ въ 24 день Іюня сего 1865 года Высочайше повелѣть соизволилъ: преосвященному архіепископу Тверскому Филарету отсрочить пребываніе въ С.-Петербургѣ еще на одинъ годъ; преосвященныхъ же архіепископа Рижскаго Платона и епископа Уфимскаго Филарета уволить во вверенныя имъ епархіи, а на мѣсто ихъ вызвать въ С.-Петербургъ преосвященныхъ: Василія архіепископа Полоцкаго и Нектарія, епископа Нижегородскаго, срокомъ на одинъ годъ.

II

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

1) Объ опредѣленіи и перемѣщеніи священнослужителей.

Въ село Посевкино Борисоглѣбскаго уѣзда на праздное священническое мѣсто, вмѣсто уволеннаго заштатъ священника Іоанна Молчанова, опредѣленъ безмѣстный священникъ Іоаннъ Болушевскій.

Діаконы г. Липецка соборной церкви Ѳеодоръ Богдановъ, согласно прошенію, перемѣщенъ въ г. Тамбовъ въ кладбищенской Успенской церкви, на положенное по штату причетническое мѣсто; состоявшій при соборной же Липецкой церкви на причетнической вакансіи діаконъ Яковъ Аристовъ опредѣленъ штатнымъ на мѣсто Богданова; а на мѣсто Аристова, также на причетническую вакансію, перемѣщенъ отъ Успенской церкви діаконъ Петръ Семеновъ.

По вѣдомству Благочиннаго с. Еремеева Козловскаго уѣзда Павла Архидіаконскаго депутатомъ, вмѣсто уволеннаго за штатъ священника Ѳеодота Васильевскаго, опредѣленъ священникъ с. Хоботца Васильевскаго Епифанъ Золотовъ.

III

ИЗВѢСТІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Благочинный Усманскаго уѣзда Василій Димитріевъ донесъ Епархіальному Начальству, что 20 минувшаго Іюля діаконъ села Даниловки Дмитрій Горскій, съ сыномъ своимъ, ученикомъ нисшаго отдѣленія Тамбовскаго Д. уѣзднаго училища Михаиломъ Горскимъ, опускаясь въ свой колодезь, по встрѣтившейся надобности, задохнулись въ немъ.

—

СЪ 11 МАЯ ПО 1 АВГУСТА БЪ ПОЛЬЗУ ПОГОРѢЛЬЦЕВЪ ГОРОДА КОЗЛОВА ПОСТУПИЛИ ВЪ ТАМБОВСКУЮ ДУХОВНУЮ КОНСИСТОРІЮ ПОЖЕРТВОВАНІЯ:

1. Отъ Его Преосвященства, Преосвященнаго Епископа Тамбовскаго Ѳеодосія, 100 — »
2. Отъ Игуменьи Тамбовскаго Вознесенскаго монастыря съ сестрами . . . 56 — »
3. Отъ Тамбовскаго Градскаго духовенства, чрезъ Благочиннаго Протоіерея Алмазова. . . . . 89 — »
4. Отъ Чиновниковъ Канцеляріи Тамбовской Д. Консисторіи. . . . . 44 — 5
5. Отъ Начальства и наставниковъ Тамбовской Семинаріи . . . . . 68 — 50
6. Отъ духовенства Тамбовскаго Каѳедральнаго Собора. . . . . 27 — 5
7. Отъ Смотрителя, наставниковъ и учащихся 1 Тамбовскаго духовнаго уѣзднаго училища . . . . . 11 — 57

8. Отъ Аріепископа Рижскаго Платона. 100 — »
9. Отъ неизвѣстнаго изъ С.-Петербурга. 10 — »
19. Отъ письмоводителя Его Преосвященства, Студента Каменскаго. . . 3 — »
11. Отъ Благочиннаго Морш. уѣзда с. Большаго Гагарина Стефана Покровскаго съ подвѣдомымъ духовенствомъ. . . 5 — 22
12. Отъ Благочиннаго г. Шацка Прот. Переверзева съ мѣстнымъ духовенствомъ. 8 — 60
13. Отъ Благочиннаго Морш. уѣзда с. Лѣвыхъ Ламокъ Андрея Воскресенскаго. 14 — 15
14. Отъ Благочиннаго Спаскаго уѣзда с. Зарубкина Константина Зернова съ духовенствомъ. . . . . 11 — 40
15 Отъ Строителя Саровской Пустыни. 50 — »
16. Отъ Игумена Санаксарскаго монастыря Иларія съ братіею. . . . . 5 — »
27. Отъ Благочиннаго г. Елатьмы Протоіерея Михаила Грибановскаго съ подвѣдомымъ ему духовенствомъ. . . 8 — 3
18. Отъ Благочиннаго Елатомскаго уѣзда с. Сасова Протоіерея Петра Остроумова съ подвѣдомымъ духовенствомъ. . 15 — 35
19. Отъ Игуменьи Усманскаго Софійскаго женскаго монастыря Серафимы съ сестрами. . . . . 20 — »
20. Отъ Благочиннаго Лебедянскаго уѣзда, с. Хрущева свящ. Алексѣя Веселовскаго съ подвѣдомымъ ему духовенствомъ . . . . . 3 — »
21 Отъ Моршанскаго градскаго духовенства чрезъ Благочиннаго Протоіерея Воскресенскаго. . . . . 5 — »

22. Отъ Усманскаго градскаго духовенства чрезъ Благочиннаго Протоіерея Василія Никольскаго . . . . . 40 — 80

23. Отъ Смотрителя и Наставниковъ 2-го Тамбовскаго духовнаго Уѣзднаго училища. 7 — 20

24. Отъ Благочиннаго Борисоглѣбскаго уѣзда с. Ростощей, свящ. Іоанна Успенскаго съ подвѣдомымъ духовенствомъ . 11 — 50

25. Отъ прихожанъ Косьмодемьянской города Усмани церкви чрезъ Протоіерея той церкви Іоанна Сперанскаго. . . 55 — 80

26. Отъ Липецкаго градскаго духовенства чрезъ Благочиннаго Протоіерея Несмѣлова . . . . . 44 — »

27. Отъ Благочиннаго Тамбовскаго уѣзда с. Знаменскаго Кореана съ подвѣдомымъ духовенствомъ. . . . . 14 — »

28. Отъ Благочиннаго Шацкаго уѣзда, с. Ункова свящ. Павла Кремлевскато съ подвѣдомымъ духовенствомъ . . . 3 — 91

29. Отъ Благочиннаго с. Текина, Тамбовскаго уѣзда, свящ. Михаила Сперанскаго съ подвѣдомымъ духовенствомъ. . 16 — »

30. Отъ Смотрителя Шацкаго духовнаго уѣзднаго училища Протоіерея Іоанна Переверзева, Наставниковъ и учащихся того училища . . . . . 11 — 29

31. Отъ Начальства Липецкаго духовнаго уѣзднаго училища . . . . . 17 — »

37. Отъ Игумена Шацкой Вышенской пустыни Аркадія съ братіею . . . 11 — 35

33. Отъ Игумена Лебедянскаго Троицкаго монастыря Іоасафа съ братіею. . 7 — 50

34. Отъ Игуменьи Сухотинскаго Знаменскаго монастыря Дорооеи. . . . 10 — »

35. Отъ Игуменьи Кирсановскаго Тихвино-Богородицкаго монастыря Антонины съ сестрами. . . . . 37 — »

И отъ Г-жи дѣвицы изъ дворянъ Тешичиновой. . . . . 25 — »

И сверхъ того пожертвовано отъ Кирсановскаго монастыря: шелковый салопъ на шелковой подкладкѣ; 170 аршинъ разнаго холста; 30-ть полотенцевъ; одно ситцевое, платье; 3 платка; 3 сарочки; 2 простыни; 20 паръ теплыхъ чулокъ; 5-ть паръ перчатокъ и 4-е фунта нитокъ.

36. Отъ Благочиннаго Харьковской епархіи Старобѣльскаго 4-го Округа, свящ. Алексѣя Илларіонова. . . . . 3 — »

37. Отъ Морш. градскаго духовенства чрезъ Благочиннаго Протоіерея Воскресенскаго . . . . . 16 — »

38. Отъ Благочиннаго с. Гладышева, Тамбовскаго уѣзда свящ. Тимооея Доброхотова съ подвѣдомымъ духовенствомъ. 7 — »

39. Отъ Благочиннаго с. Димитріевщины, Тамбовскаго уѣзда, свящ. Михаила Гавриловскаго съ подвѣдомымъ духовенствомъ. . . . . 10 — 45

40. Отъ Благочиннаго с. Спаскаго, Иваново тожъ, Тамбовскаго уѣзда, свящ. Георгія Духовскаго съ подвѣдомымъ духовенствомъ. . . . . 8 — 10

41. Отъ Благочиннаго с. Паганки, Тамбовскаго уѣзда, свящ. Ивана Смирнова съ подвѣдомымъ духовенствомъ . . 10 — 70

42. Отъ Благочиннаго с. Бондарей, Тамбовскаго уѣзда, свящ. Василія Орлова съ подвѣдомымъ духовенствомъ . . . 5 — 15

43. Отъ Борисоглѣбскаго градскаго духовенства чрезъ Благочиннаго Протоіерея Чикаревскаго. . . . . 17 — »

44. Отъ Благочиннаго с. Мучкапа Борисоглѣбскаго уѣзда, свящ. Василія Аквилонова съ подвѣдомымъ духовенствомъ. 21 — 20

45 Отъ Благочиннаго с. Никольскаго, Кабанья тожъ, Борисоглѣбскаго уѣзда свящ. Петра Діогенова съ подвѣдомымъ духовенствомъ . . . . . 6 — 80

46. Отъ Благочиннаго с. Новотроицкаго Борисоглѣбскаго уѣзда. свящ. Іоанна Пичаевскаго съ подвѣдомымъ духовенствомъ 20 — »

47. Отъ Благочиннаго с. Козловки, Борисоглѣбскаго уѣзда, свящ. Симеона Кедрова съ подвѣдомымъ духовенствомъ . 13 — »

48. Отъ Благочиннаго с. Чигорака, Борисоглѣбскаго уѣзда, свящ. Матоея Николаевскаго съ подвѣдомымъ духовенствомъ . . . . . 36 — 50

49. Отъ Благочиннаго с. Верхняго Чуева. Борисоглѣбскаго уѣзда, свящ. Якова Херувимова съ подвѣдомымъ духовенствомъ . . . . . 11 — 80

50. Отъ Темниковскаго градскаго духовенства чрезъ Благочиннаго свящ. Лентіонова .. . . . . 5 — 10

51. Отъ Благочиннаго с. Атюрьева, Темниковскаго уѣзда, свящ. Александра Свѣтлова съ подвѣдомымъ духовенствомъ . 7 — »

52. Отъ Благочиннаго с. Пашатова, Владимірова съ духовенствомъ . . . . 5 —50
53. Отъ Благочиннаго с. Куликова Прудкова съ духовенством . . . . . 7 —10
54. Отъ Благочиннаго Спаскаго уѣзда, с. Ширингуши Вадковскаго съ духовенствомъ . . . . . 5 —20
55. Отъ Благочиннаго Козловскаго уѣзда с. Волчка Ищенискаго. . . . 4 — »
56. Отъ Благочиннаго с. Лаврова Дубровскаго съ духовенствомъ . . . 3 —50
57. Отъ Благочиннаго с. Самовца Целебровскаго . . . . . 3 — »
58 Отъ Благочиннаго с. Иловая Димитріевскаго Петропавловскаго съ духовентвомъ . . . . . 8 — »
59 Отъ Благочиннаго с. Каменнаго Брода Смирнова . . . . . 8 — »
60 Отъ Благочиннаго с. Озерокъ Смирнова . . . . . 7 — »
61. Отъ Благочиннаго с. Новоспаскаго Архангельскаго . . . . . 10 — »
62. Отъ Благочиннаго Кирсановскаго уѣзда, с. Пущина Архангельскаго . . . 10 — »
63. Отъ Благочиннаго с. Гремячки Гремятчинскаго . . . . . 16 —75
64. Отъ Благочиннаго с. Пересыпкина Соколова . . . . . 5 —73
65. Отъ Благочиннаго с. Покровской Иры Вишневскаго . . . . . 8 —80
66. Отъ Благочиннаго с. Трескина Пѣвницкаго . . . . . 9 —35
67. Отъ Благочиннаго Лебедянскаго уѣзда, с. Троекурова Андреева . . . 4 — »

68. Отъ Благочиннаго с. Пятницкаго Терновскаго . . . . . 5 — »
69. Отъ Благочиннаго с. Каликина Доброва . . . . . 5 — »
70. Отъ Благочиннаго с. Большаго Хомутца Павловскаго . . . . . 4 — 40
71. Отъ Благочиннаго Липецкаго уѣзда с. Кузминки Жданова . . . . . 2 — 50
72. Отъ Благочиннаго с. Шехмани Владимірскаго . . . . . 1 — 66
73. Отъ Благочиннаго с. Большаго Самовца Платонова . . . . . 9 — »
64. Отъ Благочиннаго с. Казинки Тацитова . . . . . 6 — 70
75. Отъ Благочиннаго с. Студенокъ Платонова. . . . . 4 — 75
76. Отъ Благочиннаго бывшаго города Романова Покровскаго . . . . . 12 — »
77. Отъ Благочиннаго Усманскаго уѣзда с. Пашкова Григоровича . . . . . 7 — »
78. Отъ Благочиннаго с. Березнеговатки Тихомирова. . . . . 21 — »
79. Отъ Благочиннаго Шацкаго уѣзда с. Новаго Томникова Алѣева . . . 2 — 75
80. Отъ Благочиннаго Елатомскаго уѣзда с. Темирева Назарьева. . . . 6 — 50
81. Отъ Благочиннаго с. Коргошина Самуилова . . . . . 6 — 50

А всего 1,443 — 76

Каковыя пожертвованія отосланы Консисторіею въ Комитетъ, учрежденный въ г. Козловѣ для пособія погорѣвшимъ жителямъ.

Съ дозволенія цензуры. 11 Августа 1865 года.

Тамбовъ. Въ Типографіи Палаты Государ. Имуществъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ
КЪ
ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ
ВѢДОМОСТЯМЪ.

15 августа № 16. 1865 г.

Разсказы изъ библейской исторіи: Законодательство Синайское. — Философскія размышленія — о безсмертіи души. — Слово въ день памяти преосвященнаго Питирима.

РАЗСКАЗЫ
ИЗЪ
БИБЛЕЙСКОЙ ИСТОРІИ.

Законодательство Синайское.

Днемъ былъ путь Израильтянъ отъ Египта до горы Суная; сколько они чудесъ видѣли на этомъ своемъ пути! Но при горѣ Синайской они увидѣли чудо, которое выше всѣхъ прежнихъ чудесъ: здѣсь Самъ Богъ возглаголалъ къ нимъ и далъ имъ Свой святой законъ. Вотъ какъ это было:

Чрезъ полтора мѣсяца по выходѣ изъ Египта Израильтяне дошли до горы Суная и расположились станомъ у подошвы ея; Моисей же взошелъ на Сунай. Тамъ явился ему Богъ и велѣлъ напомнить Израильтянамъ всѣ милости и благодѣянія, какія Онъ содѣлалъ для избавленія ихъ отъ рабства Египетскаго, и сказать, что если они будутъ исполнять Его заповѣди, то будутъ Его избраннымъ народомъ и царствомъ священнымъ. Моисей передалъ

имъ эти слова Божіи, и они единодушно сказали, что все будутъ исполнять, что скажетъ имъ Богъ. Моисей передалъ Богу слова Израильтянъ. Богъ приказалъ Моисею приготовить народъ: «освяти его нынѣ и завтра, сказалъ Онъ; пусть вымоютъ свои одежды, чтобы быть готовыми къ третьему дню; ибо въ третій день сойдетъ Господь предъ глазами всего народа на гору Синай (Исх. 19. 11). Народъ исполнилъ это: вымыли всѣ свои одежды и два дня пребывали въ великомъ воздержаніи. На третій день утромъ, который былъ, по общему мнѣнію, пятьдесятый по выходѣ изъ Египта (Истор. Филар.), народъ видитъ надъ горою черную тучу и страшныя молніи, слышитъ тамъ сильные раскаты грома и оглушительные звуки трубъ; вся гора пылала въ огнѣ, дымилась какъ печь и колебалась до основанія. Народъ пришелъ въ ужасъ. Моисей повелъ его въ срѣтеніе Богу, поставилъ у подошвы горы и провелъ черту, которую никто не долженъ былъ переступать; а если кто переступитъ за черту, скотъ или человѣкъ, тотъ будетъ, по заповѣди Божіей, побитъ камнями; — самъ же съ Ааpономъ, по повелѣнію Божію, взошелъ на гору. И вотъ весь народъ, въ раскатахъ грома, сквозь шума бури и гула трубъ, слышитъ явственно слова Бога: *Азъ есмь Господь Богъ твой, изведый тя отъ земли Египетскія, отъ дому работы. Да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ Мене. Не сотвори себѣ кумира, и всякаго подобія, елика на небеси горѣ, и елика на земли низу, и елика въ водахъ подъ землею: да не поклонишися имъ: Азъ бо есмь Господь Богъ твой, Богъ ревнитель, отдаяй грѣхи отцевъ на чада до третьяго и четвертаго рода ненавидящимъ Мене, и творяй милость въ тысящахъ любящимъ Мя, и хранящимъ повелѣнія Моя. Не возмеши имене*

Господа Бога твоего всуе: не очиститъ бо Господь пріемлющаго имя Его всуе. Помни день субботный, еже святити его: шесть дней дѣлай, и сотвориши (въ нихъ) вся дѣла твоя: въ день же седьмый, суббота Господу Богу твоему, да не сотвориши всякаго дѣла въ онь, ты, и сынъ твой, и дщерь твоя, и рабъ твой, и раба твоя, и волъ твой, и осля твое, и всякій скотъ твой, и пришлецъ обиталій у тебе. Зане въ шести днехъ сотвори Господь небо и землю, море, и вся яже въ нихъ, и почи въ седьмый; сего ради благослови Господь день седьмый, и освяти его. Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ, и да долголѣтенъ будеши на земли блазѣ, юже Господь Богъ твой даетъ тебѣ. Не убій. Не прелюбы сотвори. Не укради. Не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна. Не пожелай жены искренняго твоего, не пожелай дому ближняго твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякаго скота его, ни всего елика суть ближняго твоего (Исх. 20, 2—17).

Вотъ какія заповѣди далъ Богъ Евреямъ съ горы Сѵная! Но столь величественное явленіе Господи и столь грозный гласъ Его до того устрашилъ ихъ, что они отказались впредь выслушивать глаголы Божіи и просили Моѵсея, что бы онъ слушалъ Бога и передавалъ имъ Его слова: пусть не говоритъ съ нами Богъ, говорили они, дабы намъ не умереть. Моѵсей, хотя и самъ былъ *пристрашенъ и трепетенъ* (Евр. 12, 21), ободрилъ ихъ и объяснилъ, что Богъ для того такъ грозно глаголалъ къ нимъ, что бы внушить имъ страхъ къ Себѣ и къ Своему закону. Богъ одобрилъ этотъ благоговѣйный страхъ народа и велѣлъ Моѵсею возвра-

тить его въ станъ; а самому опять взойти на гору. Моисей взошелъ, и Богъ продолжалъ давать законы, подробно излагалъ заповѣди, изрѣченныя всенародно и опредѣлялъ награды и наказанія за исполненіе или неисполненіе ихъ. По сошествіи съ горы Моисей пересказалъ всѣ слова Божіи народу и записалъ ихъ въ книгу. Потомъ по утру, по повелѣнію Божію, построилъ жертвенникъ, вокругъ котораго поставилъ 12 камней — по числу колѣнъ Израилевыхъ, и всенародно принесъ жертву Богу. Но когда закалали тельцевъ для жертвы, Моисей кровь ихъ собиралъ въ чашу и одну половину ея вылилъ на жертвенникъ, а другую развелъ водою и окропилъ ею книгу завѣта, которую напередъ прочиталъ народу, и — весь народъ, говоря: *се кровь завѣта*. Очевидно, что *сія кровь завѣта* (Евр. 9, 19) прообразовала *кровь Новаго Завѣта* (Мат. 26, 28), — Кровь Христову.

По совершеніи жертвы и по окропленіи народа жертвенною кровію Моисей, по повѣленію Божію, взялъ Аарона, двухъ его сыновъ и 70 старѣйшинъ, взошелъ съ ними на гору поклониться Богу на томъ мѣстѣ, гдѣ Онъ присутствовалъ. Тамъ они увидѣли подножіе ногъ Его, устроенное какъ бы изъ сапфировыхъ камней, чистое, какъ свѣтлое небо. Поклонившись Богу, они сошли безвредно.

Послѣ сего Богъ опять воззвалъ Моисея на гору, гдѣ онъ и пробылъ 40 дней. Въ это время Богъ давалъ ему наставленія, какъ устроить скинію, т. е. подвижной храмъ, и всѣ ея принадлежности и какъ совершать въ ней служеніе и приносить жертвы. Наконецъ далъ ему двѣ каменныя доски—скрижали, на которыхъ были написаны Самимъ Богомъ тѣ десять заповѣдей, которыя Онъ изрекъ народу *во гласѣ трубномъ*.

Чему же научаетъ насъ Синайское законодательство? Заповѣди Божіи сами въ себѣ поучительны; онѣ изложены такъ ясно и опредѣленно, что намъ остается только какъ можно глубже напечатлѣть въ своемъ сердцѣ и всѣми силами стараться исполнять ихъ и ни въ чемъ не нарушать. *Аще послушаеши гласа Моего*, говорилъ Богъ народу Еврейскому, давая сіи заповѣди, *и сотвориши вся елика Азъ заповѣдаю тебѣ, и сохранши завѣтъ Мой, будете Ми люди избранни, и благословлю хлѣбъ твой, и вино твое, и воду твою, и отвращу болѣзнь отъ васъ, число дней твоихъ исполнян исполню* (Исх. 23, 22, 25, 26). *И да будутъ словеса сія въ сердцѣ твоемъ, и въ души твоей; и да накажеши ими сыны твоя, и да возлаголеши о нихъ сѣдяй въ дому, и идый путемъ, и лежа, и востая. И да сотворити угодное и благое предъ Господомъ Богомъ твоимъ, да благо будетъ тебѣ, и наслѣдиши благую* (Втор. 6, 7, 18). Вотъ какія блага обѣщаетъ Господь тѣмъ, кто будетъ неуклонно идти путемъ заповѣдей Его!

Но обязаны ли мы исполнять заповѣди, данныя Евреямъ? То законъ Ветхозавѣтной церкви; а мы члены церкви Новозавѣтной: обязателенъ ли онъ для насъ?—Законъ обрядовый не обязателенъ: обряды Ветхозавѣтной церкви учреждены были на время; они были *сѣнію грядущихъ благъ* (Евр. 10, 1), прообразовали искупленіе рода человѣческаго; а потому совершеніе искупленія положило имъ конецъ. Но законъ нравственный, духовный—вѣчно одинъ, неизмѣняемъ, какъ неизмѣняемъ Законодатель—Богъ. Весь законъ состоитъ въ томъ, что бы люди любили Бога и любили всякаго человѣка какъ себя; но этотъ законъ отъ сотворенія міра и до скончанія вѣка не измѣнялся и неизмѣнит-

ся. Самъ Іисусъ Христосъ говоритъ, что онъ *пришелъ не разорить законъ, но исполнить* (Мато. 5, 17.), и нетолько не отвергъ ни одной изъ заповѣдей, данныхъ чрезъ Моисея; но даже подтвердилъ ихъ всѣ, нерѣдко указывалъ на нихъ, поставляя въ обязанность исполненіе ихъ (Лук. 18, 20. Мато. 22, 37—41), и многія изъ нихъ возвысилъ пополнилъ (Мато. 5, 21—48) Значитъ заповѣди, данныя Богомъ чрезъ Моисея, обязательны и для насъ; но мы должны исполнять ихъ совершеннѣе древнихъ, какъ *чада Божія*, водимые *Духомъ Божіимъ* (Рим. 8, 15).

Слава Богу Отцу, *законъ духа жизни о Христѣ Іисусѣ намъ* давшему (Рим. 8, 2).

Священникъ Ѳеофилактъ Стандровскій.

ФИЛОСОФСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ
О РЕЛИГІИ ХРИСТІАНСКОЙ.
Изъ Огюста Николая.
О БЕЗСМЕРТІИ ДУШИ.

(Продолженіе)

Б.

I. Въ природѣ вездѣ дѣйствуетъ *законъ уподобленія*, по которому начало бытія и жизни каждаго существа представляется подобнымъ тому, чѣмъ оно питается. Это начало само по себѣ очевидно. Такъ какъ основной законъ бытія каждаго существа есть законъ самосохраненія; то въ природѣ не можетъ быть недостатка въ необходимыхъ для самосохраненія условіяхъ и средствахъ, потребность и исканіе которыхъ самою же приро-

дою возбуждаются и поддерживаются въ каждомъ существѣ. Отсюда очевидно, что сущность каждаго существа должна заключать въ себѣ свойства той субстанціи, которая посредствомъ питанія входитъ въ его составъ и служитъ его развитію.

Итакъ изслѣдуемъ, какова та пища, которою питается душа? Чего она у всѣхъ людей желаетъ и ищетъ и что принимаетъ и усвояетъ?

Отвѣтъ на это не можетъ быть неопредѣленный: одно, чего душа сильно желаетъ, о чемъ вопіетъ, къ чему стремится со всѣмъ усердіемъ и любовію, это одно—истина.

Истина во всѣхъ своихъ видахъ, во всѣхъ проявленіяхъ и примѣненіяхъ, истина въ познаніяхъ естественныхъ, истина въ познаніяхъ нравственныхъ, истина въ искуствахъ или иначе,—истинное, доброе и прекрасное, вотъ то, къ чему она чувствуетъ непреодолимое влеченіе. Только тогда она и сознаетъ саму себя, когда бываетъ занята этими предметами, и ея развитіе всегда стоитъ въ прямой соразмѣрности съ тѣмъ, сколько и какъ она пользуется этими животворными ключами ея собственной жизни. Подобно блудящимъ огонькамъ, переносящимся съ мѣста на мѣсто, она непрестанно стремится, вопреки всѣхъ препятствій, къ соединенію съ главнымъ источникомъ истины, отъ котораго она исходитъ и къ которому тяготѣетъ, привлекаемая его свѣтомъ. Съ открытіемъ истины, она какъ будто пріобрѣтаетъ свое родное наслѣдіе, радостно дышетъ роднымъ своимъ воздухомъ, окружающимъ ее отвсюду и вливающимъ въ нее жизнь и отраду. Ничто не можетъ тогда сравняться съ ея радостію, источникъ которой въ сознаніи высокаго достоинства ея собственной природы; она тогда доходитъ до изступленія и самозабвенія. Въ такомъ состояніи были: Архимедъ, ког-

да бѣгалъ по улицамъ Сиракузъ и кричалъ: *я нашелъ, нашелъ;* Пиѳагоръ, когда, въ радости отъ своего открытія квадрата гипотенузы, принесъ въ жертву сто воловъ; Галилей, когда, лишенный возможности пустить въ свѣтъ свое открытіе, онъ, вопреки преслѣдованію своихъ враговъ, чертилъ на стѣнахъ темницы свою астрономическую систему и къ этому изображенію, выражавшему истину, говорилъ: *вѣдь ты же вертишься кругомъ!* Въ такомъ состояніи были Сократъ, Регулъ, Ѳрасей, пожертвовавшіе жизнію за истину нравственную, за исполненіе долга. Даже большинство людей, при всемъ развращеніи ума и сердца своего, не можетъ завѣдомо оставаться въ заблужденіи, и они сами примѣняются къ истинѣ, свои заблужденія приводятъ въ систему, т. е. хотятъ поддѣлать ихъ подъ истину, и только для того, чтобы лучше обмануть самихъ себя, они преслѣдуютъ саму же истину, принимая вмѣсто ея заблужденіе.

Итакъ истина составляетъ питательное для души начало. «Это пища духа, столь сладостная, гово-«ритъ Малебраншъ, и сообщаетъ душѣ, ее вкушав-«шей, столько жару, что, когда предаются изслѣ-«дованію истины, никогда не перестаютъ жаждать «ее и возобновлять свои изслѣдованія; ибо для нея «мы и созданы» (*).

Но истина безсмертна, всегда пребываетъ неизмѣнною; она *совѣчна Богу*, какъ говоритъ Орфей.

И хотятъ, чтобы существо, питающееся безсмертіемъ, было смертно! Хотятъ, чтобы душа, временно только живущая, какъ бы переносящаяся только отъ ничтожества къ ничтожеству, въ продолженіе своей краткой жизни, увлекалась лю-

(*) 3-e Entretien. —

бовію къ вѣчному; чтобы всѣ ея силы напрягались къ усвоенію себѣ того, что противно ея природѣ, и что бы мысль человѣческая, напряженно погружающаяся въ самое сердце бытія, находила тамъ ничтожество и угасала среди самыхъ ключей жизни! Нѣтъ, весь мой разумъ возмущается противъ такого противорѣчія, и я вмѣстѣ съ Брюйеромъ громко исповѣдую, что «для меня немысли-«мо, чтобы душа, въ которую угодно было Богу «вложить идею Его безконечнаго бытія и высочай «шаго совершенства, могла подлежать уничтоже-«нію» (*).

Еслибы еще душа занималась только одними истинами, необходимыми для ея преходящихъ потребностей настоящей жизни, для выполненія ея временныхъ интересовъ! Но далеко не такъ на дѣлѣ: она пренебрегаетъ подобными истинами и прилѣпляется къ неизмѣннымъ отвлеченіямъ; она изнуряетъ, даже убиваетъ тѣло надъ изслѣдованіями вѣчной истины и любитъ ее только ради ея самой. Какія бы ни были сдѣланы ею пріобрѣтенія изъ сокровищницы этой истины, ея желаніе безпредѣльно стремится далѣе, ея способность воспріемлемости только расширяется по мѣрѣ ея открытій, и ей суждено здѣсь только приготовляться къ обладанію этой истиною. Вслушайтесь въ эту удивительную рѣчь умирающаго Ньютона: «я не знаю, «какъ будутъ люди цѣнить мои труды; но что до «меня, то мнѣ кажется, что я былъ не что иное, «какъ дитя, играющее на берегу морскомъ, кото-«рое поднимаетъ то камень, нѣсколько выполиро-«ванный, то раковину довольно блестящую, между, «тѣмъ какъ предъ нимъ разстилается великій оке-«анъ истины неизслѣдованной» (**).

(*) Chap. XVI. —
(**) Correspondance de Newton.

Душа, сознававшая въ себѣ столько простора, чтобъ обнять и носить въ себѣ такую идею истины, ощущать такую жажду обладанія этой истиною, но которой дано только издали посмотрѣть *на этотъ великій океанъ*, повѣрьте, не останется на берегу его. Какъ только она приходитъ въ сознаніе самой себя, она непрестанно воздыхаетъ и стремится туда; видно, въ этомъ океанѣ истины ей предназначено жить, какъ въ своей родной стихіи; и минута смерти бываетъ только началомъ этого великаго ея плаванія!

Итакъ со всею увѣренностію заключаемъ: душа, живущая и дышущая безсмертною стихіею истины, не подлежитъ смерти.

II. Есть другой законъ, столько же непреложный, какъ и вышеизложенный; онъ состоитъ въ томъ, что всѣ существа тѣмъ болѣе усовершаются въ своемъ развитіи, чѣмъ точнѣе повинуются прямымъ требованіямъ своей природы; этотъ законъ можно назвать *закономъ усовершимости*. Для доказательства вѣрности этого закона довольно и одного его изъясненія. Никакое существо не можетъ само по себѣ сообщать надлежащаго развитія своимъ жизненнымъ силамъ, такъ же какъ не могло само даровать себѣ жизнь; тѣмъ и другимъ оно обязано природѣ. Поэтому, когда оно очевидно развивается при помощи какого либо средства, то можно утверждать, что это средство находится въ его природѣ и имѣетъ дѣйствительную силу въ отношеніи къ его существованію, силу, которая обнаруживается въ немъ двоякимъ образомъ, — или развитіемъ существа, когда прилагается къ его жизни это средство, или упадкомъ и разрушеніемъ существа, когда оно лишается этого же средства. Это очевидная аксіома.

Но въ приложеніи къ жизни начала безсмертія души, человѣчество, очевидно, находитъ могущественнѣйшаго дѣятеля въ дѣлѣ собственнаго усовершенствованія. Можетъ ли кто усумниться въ этомъ? Если есть на землѣ какое обузданіе для порока и дѣйствительнѣйшее побужденіе къ высшимъ добродѣтелямъ, то оно, безъ сомнѣнія, заключается въ силѣ убѣжденія въ истинности нашего безсмертія. Уничтожьте рѣшительно, если возможно, это убѣжденіе, и вмѣсто его поставьте другое, — то, что у отверстія могилы всецѣло разрушается наше бытіе и въ могилѣ окончательно погребается вся наша жизнь, что здѣсь предѣлъ и нашего счастія и нашей отвѣтственности; тогда немедленно погибнетъ всякій порядокъ и значеніе закона; вездѣ водворится разстройство и разрушеніе. Тогда совѣсть будетъ представляться уже не больше, какъ неспосною болтунью, отъ которой всякій постарается прежде всего освободиться; истина, долгъ, справедливость — это только узы, которыя, какъ можно скорѣе сбросить было бы самымъ благоразумнымъ дѣломъ; всѣ самыя горячія привязанности, всѣ чаянія и желанія остановились бы на обладаніи временными благами; съ жадностію предаваться наслажденію скоро-преходящими радостями и удовольствіями сдѣлалось бы высшимъ закономъ; вся разумная дѣятельность человѣческая поглощена была бы заботою объ изобрѣтеніи и умноженіи этихъ радостей; всѣ усилія истощались бы на похищеніи ихъ у другихъ; порядокъ духовный и нравственный погрязъ бы въ интересахъ вещественныхъ и плотскихъ; да и эти интересы разрушались бы отъ ихъ собственныхъ крайностей. Такимъ образомъ среди величественнаго и внушающаго благоговѣніе порядка во вселенной, на землѣ человѣчество, составляющее сре-

доточіе и вѣнецъ жизни, представило бы страшное зрѣлище разрушенія и хаосъ, и постепенно симъ путемъ исходило бы до ничтожества.

Поставьте теперь, вмѣсто этой разрушительной идеи, ту идею, что наша жизнь здѣсь на землѣ есть только кратковременный періодъ испытанія, а цѣль нашихъ стремленій и предметъ нашего блаженства — за предѣлами ея; что всякое на землѣ добро и зло, счастіе и несчастіе—только временны и предъуготовительны, то и другое составляетъ только различныя средства и условія пріобрѣсть блага существенныя, или избѣжать несчастій вѣчныхъ въ будущей жизни;—и тогда вы увидите, до какой высоты самоотверженіемъ и преданностію волѣ Божіей, терпѣніемъ съ надеждою поднимется сердце бѣдняка и угнѣтеннаго! Сколько разширится сердце богатаго и сильнаго снисходительностію и умѣренностію, трезвенностію и воздержаніемъ! Каждый тогда будетъ стараться воспользоваться своимъ положеніемъ въ самомъ нравственномъ смыслѣ, извлечь изъ него всѣ возможныя выгоды для жизни будущей, и всѣ усилія и труды будетъ посвящать на то, чтобы развить въ себѣ ту сторону своего существа, которая имѣетъ пережить смерть и разрушеніе, т. е. разумъ и волю. Закономъ будетъ служить долгъ и обязанность, а сознаніе и чувство долга будутъ двигать всею жизнію. Равнодушіе и отвращеніе къ благамъ міра сего, съ которыми надобно разстаться, жажда и искаціе благъ міра грядущаго, куда надобно вступить на всю вѣчность, обнимутъ тогда тогда всѣ силы души. И такъ какъ, въ противоположность благамъ чувственнымъ, блага нравственныя неиждиваемы и неистощимы и, по самой природѣ своей, ведутъ ко взаимному единодушію всѣхъ ищущихъ ихъ и пользующихся ими; то миръ и любовь низошли бы на землю и подъ осѣ-

неніемъ ихъ человѣчество воспитывалось бы въ стремленіи къ совершенству безпредѣльному.

Объ выше начертанныя мною картины никогда не осуществлялись на землѣ во всей полнотѣ. Никогда не было человѣчество ни столько развращенно, ни столько совершенно, какъ представляется въ этихъ картинахъ; потому что вѣра и надежда будущей жизни никогда не были всѣми вообще людьми всецѣло ни отвергаемы, ни искомы; но всѣ движенія и превращенія, совершавшіяся въ мірѣ нравственномъ, всегда стояли въ прямомъ отношеніи съ возвышеніемъ, или упадкомъ въ сердцѣ людей этой вѣры и надежды.

Это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

И послѣ этого хотятъ увѣрить насъ, что начало безсмертія души,—то начало, которымъ человѣчество возвышается и возрастаетъ въ совершенствѣ, и безъ котораго унижается и ниспадаетъ до крайняго разстройства, не существуетъ въ природѣ человѣческой, что оно—противно истинѣ, есть ложъ и обманъ?!!

Но въ такомъ случаѣ, смотрите, какая нелѣпость,—эта ложъ будетъ лучше истины. Творенію, которому принадлежитъ изобрѣтеніе этой лжи, надлежало бы приписать лучшее пониманіе своей природы и назначенія, чѣмъ Творцу; ничтожеству — усвоить возможность дать себѣ бытіе и благосостояніе! Человѣкъ, въ физическомъ отношеніи безсильный прибавить хоть одну линію своему росту, въ нравственномъ отношеніи обладалъ бы возможностію придать себѣ, независимо ни отъ кого, величественное благоустроеніе! И попирая законъ естественный, осуждающій его на ничтожество, онъ нашелъ бы возможность вопреки своей природѣ приставить себѣ крылья, при помощи которыхъ достигъ бы неба! Не очевидная ли это насмѣшка?!

Здравый разумъ совершенно иное выводитъ отсюду заключеніе. Если человѣчество, съ сознаніемъ въ себѣ и нравственнымъ воспріятіемъ начала безсмертія души, возрастаетъ и развивается въ совершенствѣ; то, утверждаетъ онъ, это безсмертіе, это жизненное начало человѣчества есть несомнѣнный фактъ, открывающійся въ своихъ дѣйствіяхъ и вліяніяхъ на всѣ наши силы и способности, когда воспринимается ими, какъ дѣятель, ихъ облагороживающій и движущій ими на пути совершенства.

III. Есть еще третій законъ, ручающійся за туже истину.—Все въ природѣ имѣетъ свою цѣль. Каждое существо безъ исключенія въ самомъ естественномъ устройствѣ своемъ примѣнено къ опредѣленному назначенію. Надобно бы распространить безпощадное отрицаніе на всю природу какъ въ цѣлой ея совокупности, такъ во всѣхъ частныхъ явленіяхъ ея бытія и жизни, чтобы не замѣчать въ ней на каждомъ шагу этого постояннаго закона. Этотъ законъ выражается въ природѣ съ такою точностію, что весьма часто можно по извѣстному устройству организма узнавать его назначеніе, и по опредѣленному назначенію доходить до познанія устройства организма. Если сила и дѣйствіе этого закона не повсюду усматриваются нами, то причина этого заключается не въ томъ, будто природа недостаточно вѣрна ему, а въ недостаточности нашихъ познаній. Но если кто, изучая органическое устройство извѣстнаго существа, находитъ возможнымъ составить только два предположенія о его назначеніи, такія впрочемъ, что одно изъ нихъ болѣе или менѣе противно его устройству, а другое совершенно можетъ быть съ нимъ согласно; въ такомъ случаѣ уже не можетъ быть мѣста сомнѣнію на счетъ вѣрности рѣшенія вопроса симъ послѣднимъ предположеніемъ; потому

что оно обезпечивается съ одной стороны своимъ уравненіемъ съ первымъ терминомъ уже принятаго отношенія, а съ другой исключеніемъ единственнаго предположенія, которымъ еще можно оспаривать его достовѣрность.

Приложимъ это правило къ предмету нашего изслѣдованія. —

Неизвѣстное искомое это назначеніе человѣка. На счетъ рѣшенія задачи представляется только два предположенія: или смерть всецѣлой природы человѣка, когда прекращается жизнь въ его тѣлѣ; или душа переживаетъ тѣло и ея назначеніе состоитъ въ призваніи къ другой жизни? Обратимся съ этими вопросами къ устройству нашей нравственной природы, составляющей первый терминъ отношенія, тотъ, который доступенъ нашему изслѣдованію, и посмотримъ, какой отвѣтъ намъ дастъ она. Нравственное устройство наше извѣстно по опыту изъ дѣйствій и расположеній душевныхъ; оно слагается изъ фактовъ, которые мы носимъ въ самихъ себѣ и которые образуютъ исторію и какъ бы ткань нашей жизни.

Первая, господствующая и всеобщая черта нашей жизни духовно-нравственной есть ничѣмъ неудовлетворимое недовольство, глубокое безпокойство, неутолимая скука. Это общая атмосфера и цвѣтъ жизни человѣческой. Особенно достойно замѣчанія здѣсь то, что недовольство, безпокойство, скука тѣмъ болѣе возрастаютъ и усиливаются, чѣмъ болѣе обладаетъ и наслаждается человѣкъ благами сего міра. Если бъ онъ созданъ былъ единственно для существованія здѣсь на землѣ, если бы его назначеніе было исключительно земное; то почему бы его желаніямъ не ограничиваться этимъ назначеніемъ; отъ чего бы не успокоиваться имъ земными предметами; отъ чего бы чело-

вѣку не быть тѣмъ болѣе довольну и счастливу, чѣмъ больше имѣется у него этихъ предметовъ для удовлетворенія его желаній? Но нѣтъ, бываетъ совершенно напротивъ. Укажите мнѣ человѣка, по видимымъ принадлижностямъ мірскаго счастія, самаго счастливаго; и я покажу вамъ, что этотъ человѣкъ самый несчастный; ибо онъ дѣйствительно таковъ. Отъ него громче и внятнѣе, чѣмъ отъ кого другаго, мы услышимъ тотъ вопль, который передается отъ одного поколѣнія другимъ: *все на земли— одна только суета!...* Въ земной жизни намъ даются только первые начатки, одни малѣйшія крохи счастія. Пусть изберетъ себѣ человѣкъ образъ жизни, вполнѣ соотвѣтствующій его вкусамъ и склонностямъ; пусть онъ найдетъ возможность удовлетворить своимъ желаніямъ путями и средствами, самымъ наилучшимъ образомъ обдуманными и со всѣмъ искуствомъ выполняемыми; съ этой роковой минуты его счастье потеряно; послѣдній разъ поднимая руку на довершеніе своего счастія, онъ тутъ же обратитъ его въ развалины. Обманувшись разъ, другой, третій и сотый, пусть онъ еще возобновлятъ свои покушенія въ томъ родѣ, пусть будетъ состоять въ его распоряженіи всемогущій геній, непогрѣшимый талисманъ, чтобы переносить его поперемѣнно по всѣмъ сферамъ жизни человѣческой; вездѣ будетъ убѣгать отъ его желаній счастіе, и всегда и вездѣ послѣднее слово его будетъ: *я обманулся* (*)!!..

(*) Отсюда происходитъ, скажемъ кстати, увлеченіе людей предметами и событіями великими, напоминающими о безконечномъ, или даже дѣлами темными и таинственными. Конечно, не отъ того это зависитъ, что люди любятъ тьму, а отъ того, что надѣются найдти во тьмѣ то благо, котораго желаютъ, а при ясномъ свѣтѣ сознались бы, что его не найти на землѣ. Туть же и источникъ вы-

Такое непонятное явленіе замѣчается только въ жизни одного человѣка. Около него на землѣ нѣтъ существа, которое бы не успокоивалось и не было довольно сею жизнію, какъ только удовлетворяются его естественныя потребности. Казалось бы, ему больше другихъ существъ земныхъ слѣдовало бы наслаждаться жизнію, потому что силою разума его распоряженіямъ подчиняется вся природа, и однакожъ онъ одинъ только томится своими желаніями, воздыхаетъ, мучится скорбію, тоскуетъ среди благосостоянія всеобщаго. Объ немъ можно сказать, что это — существо живущее внѣ своей родной стихіи и по ней воздыхающее. Между его природою и міромъ недостаетъ равновѣсія; онъ безконечно превосходитъ міръ потребностями своихъ сердечныхъ желаній, пареніями своихъ замысловъ, которымъ ничто на землѣ не можетъ положить границъ и которыя во всѣхъ отношеніяхъ далеко уносятся за предѣлы видимаго горизонта земной жизни.

Вотъ главная черта и, такъ сказать, естественный осадокъ нравственной жизни человѣка. Это фактъ положительный, всеобщій, постоянный; онъ обратился даже въ пословицу у всѣхъ людей; всѣ они болѣе или менѣе часто твердятъ съ огорченіемъ: *нѣтъ счастья на землѣ.*

Какъ изъяснить это явленіе?—Выше изложенный нами законъ, по которому у каждаго существа нѣтъ недостатка въ соотвѣтствующихъ его природѣ и назначенію условіяхъ и средствахъ для достиженія опредѣленной ему цѣли, и на сторонѣ котораго стоитъ свидѣтельство всей совокупности

сокаго. Представляется, что необъятная перспектива вдругъ открывается предъ взорами души и она находитъ возможный исходъ вырваться наконецъ изъ области обмана.

существъ земныхъ, кромѣ человѣка, этотъ законъ приводитъ насъ прямо къ такому заключенію: такъ какъ цѣль человѣка заключается въ его всецѣломъ облаженствованіи, а такое блаженство для него недостижимо на землѣ; то необходимо, должно быть, эта цѣль стоитъ за предѣлами настоящей жизни, и безсмертіе души и ея призваніе къ образу жизни, по смерти, болѣе соотвѣтствующему ея природѣ, только и могутъ объяснять и разрѣшать тайну ея нравственно-духовной жизни на землѣ.

Это такъ вѣрно, что если мы, посредствомъ противоположнаго испытанія, откроемъ въ душѣ чаяніе безсмертія, если представимъ ей въ томъ убѣжденіе, покажемъ вѣру; то немедленно всѣ колебанія ея жизни прекратятся: внутренній миръ, сердечная радость, несокрушимая твердость воли, даже среди страданій и смерти, представятъ намъ положительное доказательство того, что мы разгадали тайну природы человѣческой, дошли, такъ сказать, до краеугольнаго камня ея разумнаго устройства.

Возраженіе, заимствуемое изъ того, что сердце человѣческое старается найти себѣ утѣшеніе въ настоящей жизни и такія надежды, которыя защитили бы его отъ ужасовъ ничтожества, служитъ болѣе къ подтвержденію, чѣмъ къ ослабленію нашего заключенія. Эта потребность утѣшеній и этотъ инстинктивный ужасъ ничтожества не составляютъ причины нашей мысли о безсмертіи, но прямое слѣдствіе нашего сознанія собственнаго безсмертія. Потому только ни въ чемъ земномъ мы и не находимъ утѣшенія, что сознаемъ себя безсмертными; потому только и ощущаемъ ужасъ ничтожества, что оно рѣшительно противорѣчитъ нашей природѣ. Впрочемъ, вы, быть можетъ, по-

требуете болѣе твердаго удостовѣренія въ справедливости этого умозаключенія?

Вотъ человѣкъ ничему невѣрившій, или по крайней мѣрѣ, стоявшій на сторонѣ противъ всякаго вѣрованія. Для него не было ни Бога, ни Его провидѣнія, ни, особенно, безсмертія души. Вмѣсто того, чтобы *предаваться* какимъ либо *надеждамъ*, онъ старался находить удовольствіе въ *отчаяніи*. Я разумѣю *Сенанкура*, сочинителя *Обермана*. Подивитесь, какъ изъ глубины его собственной природы, противъ воли его, проторгается у него чувство безсмертія въ этихъ раздирающихъ воплях, и какъ оно разрываетъ оковы системы, въ которой хотѣлось бы его заморить, и заставляетъ порываться далеко за предѣлы всѣхъ видовъ этой узкой системы!

«Мое положеніе пріятно, но я веду жизнь печальную. Я здѣсь, какъ не можетъ быть больше, «свободенъ, спокоенъ, здоровъ, безъ заботъ, равподушенъ въ отношеніи къ будущему, въ которомъ ничего не ожидаю, и безъ сожалѣнія предаю забвенію прошедшее, которымъ не наслаждался....; но во мнѣ гнѣздится безпокойство, которое никогда меня не оставляло. Это какая то потребность, которой я не знаю и не понимаю, которая предъявляетъ на меня свои требованія, заставляетъ углубляться въ самаго себя и уноситъ «меня далеко отъ всѣхъ предметовъ скоропреходящихъ. Вы обманываетесь, такъ же какъ и я самъ «обманывался, если думаете, что это потребность «любви. Нѣтъ, эта потребность слишкомъ отлична «отъ недостатка въ моемъ сердцѣ любви, которой «оно сильно желало; но безконечна разность между тѣмъ, что я теперь, и тѣмъ, чѣмъ бы я быть «хотѣлъ, по внушенію этой потребности. Любовь «неизмѣрима, но она не безконечное. Я не хочу на-

«слаждаться, но хочу надѣяться, я желалъ бы вѣ-
«дѣнія. Мнѣ нужны мечты безграничныя, которыя
«бы всегда убѣгали отъ меня, что бы я увлекался
«ими обманчиво. Что значитъ для меня то, что
«можетъ окончиться?... Пора, имѣющая наступить
«въ шестидесятомъ году, вся тутъ, — предъ мною.
«Я не люблю того, что приготовляется, прибли-
«жается, совершается, и нѣтъ его.... Я желалъ бы
«такого блага, такой мечты, такой наконецъ наде-
«жды, которая была бы всегда передо мною, бы-
«ла больше самаго ожиданія моего, выше всего
«преходящаго; я желалъ бы быть весь разумомъ...
«Къ удивленію моему я нахожу эту идею обшир-
«нѣе моего существованія; и если я предаюсь раз-
«думью о моей жизни, которая представляется
«смѣшною въ моихъ собственныхъ глазахъ; то я
«нахожу себя въ непроницаемомъ мракѣ. Безъ со-
«мнѣнія счастливѣе меня дровосѣкъ, пьющій бла-
«гословенную воду, когда гремитъ громъ; онъ и за
«работой поетъ пѣсни! Я не найду себя покоя, но
«и я сойду съ лица земли, такъ же какъ и онъ» (*).

Какъ убѣдителенъ такой отвѣтъ о безсмертіи, исторгающійся изъ устъ невѣрующаго! Какъ прекрасна въ немъ наша природа человѣческая и какъ она неумолимо мститъ за себя и становится выше всего, когда хотятъ ее насиловать и подавлять! Это— еврейскій силачь, уносящій съ собою на гору ворота своей темницы (*).

(*) Obermann, p. 85. edition de Charpentier.

(*) Въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: «эта потребность искать ре-
«зультатовъ, для которыхъ извѣстны мнѣ давныя, этотъ инстинктъ,
«которому противорѣчитъ то, будто мы существуемъ напрасно и
«безъ цѣли, думаете ли вы, что я могу побѣдить ихъ? Ужели вы
«не видите, что они во мнѣ, что они сильнѣе моей воли; неизбѣ-
«жно одно изъ двухъ, или они меня сдѣлаютъ несчастнымъ, или

Съ этою чертою нравственной жизни состоитъ въ связи другая,—служащая къ подкрѣпленію тогоже вывода о нашемъ безсмертіи. Она состоитъ въ томъ, что человѣкъ старается наложить идею безконечнаго на все, что къ нему соприкасается. «Человѣка обдержитъ какая то чрезвычайная забота «о томъ, чтобы продолжить свое существованіе, «говоритъ Монтель: она проглядываетъ во всѣхъ «родахъ его дѣятельности; и для сохраненія тѣла «имѣются гробницы; для сохраненія имени—слава; «нетерпѣливый въ счастіи и несчастіи, онъ всѣ «замыслы свои употребляетъ на то, чтобы перес«троиваться и поддержать себя своими собственны«ми изобрѣтеніями.» (*) Блага міра сего ежеминутно ускользаютъ изъ рукъ его; но, что за нужда, онъ всегда старается соединить съ ними свои виды на безсмертіе. Подобно тому баснословному царю, который все хотѣлъ превратить въ золото, онъ придаетъ безсмертіе всему, что его касается; этимъ качествомъ облекаются у него всѣ предметы его страстей. Можно сказать, что онъ поднимаетъ ихъ до своей собственной высоты; желалъ бы передѣлать ихъ по своему состоянію, по своему росту, по своимъ потребностямъ. У него и разные роды любви *вѣчной*, и печаль *непрестанная* и слава

«я имъ покорюсь. Или вы не понимаете, что я уже уступаю имъ? «Я отвергаю все преходящее, *и бросаюсь въ состоя«ніе моей скуки*, не желая ничего кромѣ ея...» (ibid p. 233). Какъ печальна и жалобна эта послѣдняя нота! — Все это сочиненіе представляетъ такой же плачевный хаосъ противорѣчій, подъ которыми воздыхаетъ природа, влача цѣпи систематическаго сомнѣнія и по временамъ вырывается изъ своего стѣсненія, подобно заключенному въ клѣтку орлу, расправляющему свои крылья для полета.

(*) Essais, l.11, chp. XII.

безсмертная и проч. Онъ рѣшительнно располагается на землѣ такъ, какъ бы ему никогда не предстояло умирать, и какъ будто ни съ чѣмъ его окружающимъ ему не должно никогда разставаться. Въ семъ отношеніи всѣ наши дѣйствія выражаютъ мысль противную опыту, и моралисты не перестаютъ изображать эту нравственную странность рода человѣческаго; но все напрасно, мы остаемся неисправимы. Смерть представляется только маловажнымъ препятствіемъ въ нашихъ предположеніяхъ и предпріятіяхъ, мы никогда не позволяемъ ей входить въ наши разсчеты. И нетолько не имѣемъ ее въ виду, но непрестанно идемъ на перекоръ ей въ нашихъ замыслахъ; какъ мимолетное облако на горизонтѣ, такъ она скользитъ только на поверхности нашего духа. Мало того; мы какъ бы созидаемъ свои зданія на самой же смерти: наши замыслы, наши надежды, наши предпріятія, тѣмъ больше воодушевляютъ насъ, чѣмъ больше обѣщаетъ намъ ихъ осуществленіе, что они переживутъ и слѣды нашей могилы. Вся наша жизнь на землѣ проходитъ въ томъ, что мы отказываемъ себѣ въ наслажденіи ею, изъ за того что наступитъ время, когда мы уже не будемъ пользоваться ею; и этой мечтѣ мы предпочитаемъ дѣйствительность; мы умираемъ для того, чтобы овладѣть ею.

Кто не видитъ въ этомъ инстинктѣ рода человѣческаго, сквозь всѣ эти увлекательныя мечты, которыхъ источникъ въ томъ же инстинктѣ, кто не видитъ здѣсь очевиднаго проявленія нашего безсмертія? Надобно сознаться, что это чувство должно быть слишкомъ сильно, когда оно такъ безпощадно проводитъ свой уровень надъ всѣми людьми. Вѣрующіе въ дѣйствительность другой безсмертной жизни за гробомъ въ своемъ вѣрованіи находятъ естественный исходъ всему богатству своихъ

жизненныхъ духовныхъ силъ, исходъ, поставляющій ихъ въ истинное отношеніе со всею окружающею ихъ жизнію природы. Они имѣютъ здравыя понятія и сужденія о всѣхъ предметахъ земнаго міра, смотрятъ на нихъ какъ должно, и, не предаваясь мечтамъ, отдаютъ всему должную цѣну и достоинство. Напротивъ уклоняющіеся съ естественнаго пути безсмертія осуждаются самою природою прокладывать себѣ искуственную дорогу жизни, извращать всѣ условія своего земнаго существованія и свои настоящія отношенія къ предметамъ окружающаго ихъ міра, и всю жизнь свою питаться одними призраками и мечтами. Такимъ образомъ всѣ люди, безъ исключенія, проводятъ здѣсь жизнь, какъ существа безсмертныя; вся разность состоитъ только въ томъ, что одни хотѣли бы утвердить свое безсмертіе здѣсь на землѣ, а другіе видятъ престолъ его за предѣлами настоящей жизни. И такъ человѣкъ безсмертенъ. Надлежало бы отречься отъ его природы, разрушить всѣ основанія и все устройство его жизни, чтобы изгладить ту истину, что безсмертіе есть главный инстинктъ его существа. Безъ этой истины все въ немъ неизъяснимо. И Богъ сотворившій насъ, безъ сомнѣнія, не для того чтобъ вводить въ обманъ природу нашу, вложилъ въ нее этотъ инстинктъ безсмертія, столь неопредолимый и въ тоже время столь легко увлекающійся обманомъ.

СЛОВО

на 28 Іюля — день чудотворныя иконы СМОЛЕНСКІЯ БОЖІЯ МАТЕРИ и на память ПРЕОСВЯЩЕННАГО ПИТИРИМА, ВТОРАГО ЕПИСКОПА ТАМБОВСКАГО.

Въ память вѣчную будетъ праведникъ (Пс 111, 6).

Предъ нашими глазами, братіе, самое точное исполненіе словъ Божественнаго Псалмопѣвца.

Что собрало насъ нынѣ въ этотъ святый храмъ? —Желаніе вознести молитвы къ Царицѣ Небесной за Ея всегдашнее, неотмѣнное объ насъ ходатайство и заступленіе предъ престоломъ Всевышняго; ибо нынѣ мы празднуемъ прославленіе чудотворной Ея иконы Смоленской; но съ этимъ желаніемъ у насъ неразлучно другое — почтить память бывшаго нѣкогда Архипастыря Тамбовскаго, Святителя Питирима, коего мощи здѣсь положены.

Вотъ уже 166 лѣтъ прошло, какъ отошелъ изъ этой жизни Святитель Божій, но память Его не только не забывается, а съ каждымъ годомъ становится торжественнѣе и торжественнѣе, — прямой знакъ, что она не забудется и на будущія времена.

Гдѣ искать основанія для такой твердой, всегдашней памяти умершаго во всѣ грядущія поколѣнія?

Нигдѣ, какъ только въ жизни и дѣятельности умершаго.

Во славу Царицы Небесной, защитницы и покровительницы Святителя, и въ честь самаго опо-

чившаго Святителя, остановимъ нѣсколько вниманіе на его жизни, дабы на дѣлѣ судить и видѣть какъ и чѣмъ можно приготовить себѣ вѣчную память.

Какъ рисуетъ намъ Святителя современная ему лѣтопись?

Всего прежде онъ былъ Архипастырь дѣятельный, вполнѣ вѣрный своему высокому призванію. Вся жизнь его протекла въ трудахъ и трудахъ самыхъ изнурительныхъ, подъ которыми слишкомъ рано сократились драгоцѣнные его дни. Онъ былъ вторымъ Архипастыремъ Тамбовскимъ, но, по кратковременности управленія его предшественника, все бремя устроенія новой епархіи пало на него.— Не успѣлъ еще онъ принять рукоположенія Архипастырскаго, какъ долженъ былъ принять на себя заботы устроенія неустроенной епархіи. Онъ сообразилъ всѣ нужды и потребности ея и вмѣстѣ взвѣсилъ средства, какими могъ располагать для удовлетворенія этимъ нуждамъ. Средства были самыя ничтожныя, почему Архипастырь нашелся вынужденнымъ по принятіи рукоположенія, не выѣзжая еще изъ столицы, хлопотать предъ правительствомъ объ усиленіи ихъ.—Это было начало трудовъ, которымъ предался онъ всецѣло по своемъ прибытіи на врученную ему Богомъ каѳедру.—По прибытіи въ Тамбовъ Святитель Питиримъ во все время своего архипастырства, въ теченіе почти тринадцати съ половиною лѣтъ, долженъ былъ непрестанно устроять, созидать, учить, назидать. Епархія Тамбовская собственно и открыта была для прекращенія плевелъ отпавшихъ отъ святой, православной церкви, раскольниковъ. Едвали не большая часть жителей Тамбова и епархіи Тамбовской были раскольники. Довольно было здѣсь и непросвѣщенныхъ свѣтомъ Евангелія идолопоклонниковъ.

Мало того,—здѣсь, какъ на окраинѣ Россіи, по общему ходу отечественной исторіи, долженствовалъ собраться самый нечистый ея отстой: и люди бѣглые и люди ссыльные,—люди неодобрительной нравственности, преступники противъ правительства должны были смѣшаться тутъ съ раскольниками и язычниками. Задача тяжелая для Архипастыря, поколику дѣло касалось внутренняго, существеннаго недостатка паствы; требовались неимовѣрныя усилія, чтобы только имѣть хотя какой либо успѣхъ на пользу Церкви.—И со внѣ епархія Тамбовская была совершенно неустроена и требовала также немалыхъ трудовъ и усилій со стороны Архипастыря.—Чтобы судить и видѣть жалкое положеніе епархіи, достаточно себѣ припомнить, что, по пріѣздѣ Архипастыря въ Тамбовъ, здѣсь не нашлось приличнаго мѣста для его помѣщенія, почему онъ вынужденнымъ нашелся, среди великихъ разнообразныхъ трудовъ на пользу Церкви, заняться еще постройкою для себя и для окружающихъ его келлій и разныхъ службъ. Далѣе, храмъ, при которомъ открыта была каѳедра, годился только для первоначальнаго освященія устроявшейся вновь Тамбовской крѣпости, но не для перваго храма въ епархіи, — это былъ самый бѣдный, простой, деревянный храмъ, безъ всякихъ украшеній. Мало того, въ бѣдномъ соборномъ храмѣ не было даже бѣдной утвари, не было ризницы, особенно для Архипастырскаго служенія.—Многое нужно было Архипастырю устроять, сооружать, а средства были такъ ничтожны, что ихъ было недостаточно даже для поддержанія уже готоваго.—Не человѣческимъ, казалось, силамъ бороться со всѣми трудностями и препятствіями, но достойннѣйшій Архипастырь не упадалъ духомъ, и, при помощи Божіей, успѣвалъ вездѣ и всюду. — Считая главною задачею спасеніе ввѣренной

ему паствы, онъ во всю жизнь свою не переставалъ учить и наставлять ее. Онъ училъ дома, училъ и внѣ дома, поколику былъ доступенъ для всѣхъ и со всѣми обращался съ истинно христіанскою любовію, какъ другъ, какъ братъ; но главнымъ образомъ училъ онъ во храмѣ, который былъ въ собственномъ смыслѣ духовнымъ училищемъ. Онъ вразумлялъ и училъ заблуждающихъ, училъ вѣрныхъ, училъ и наставлялъ и самое духовенство, поколику и предстоятели церкви такъ много нуждались еще въ ученіи.—Поучая всѣхъ и принося обильные плоды на пользу Церкви, дѣятельный Архипастырь успѣвалъ въ тоже время и въ необходимыхъ постройкахъ. Съ самаго начала своего Архипастырства онъ снабжаетъ ближайшій свой храмъ соборный необходимою утварью и ризницею и даже облекаетъ его возможнымъ благолѣпіемъ. Далѣе, для водворенія Православія и чтобы всѣхъ заставить имѣть непрестанно предъ глазами орудіе нашего спасенія — крестъ Христовъ и Царицу Небесную, непрестанную нашу заступницу и покровительницу, Онъ воздигаетъ на двухъ главныхъ вратахъ крѣпости двѣ величественныя и благолѣпныя иконы, — икону Распятія Спасителя и икону Казанскія Божія Матери.—Съ усиленіемъ средствъ, съ полученіемъ помощи отъ правительства, Архипастырь начинаетъ воздвигать храмы и цѣлыя обители,—почти исключительные въ то время разсадники просвѣщенія и вмѣстѣ православія. За недостаткомъ средствъ и людей довѣренныхъ, онъ отказываетъ себѣ даже въ необходимомъ, употребляетъ послѣднее свое достояніе на дѣло Божіе и самъ дѣлается смотрителемъ за постройками, самъ—экономомъ и даже самъ — строителемъ. Его усердіемъ и стараніемъ воздвигается наконецъ и этотъ величественный храмъ, въ которомъ возсылаемъ мы теперь

молитвы и въ которомъ опочилъ онъ послѣ многотрудной своей жизни, посвященной исключительно славѣ Божіей и святой Его церкви и на пользу и спасеніе пасомыхъ.

Уже одни труды и заслуги по долгу званія и службы возбуждаютъ къ опочившему Архипастырю полное, искреннее уваженіе и любовь признательнаго потомства; но не въ этомъ только заключалось его высокое достоинство: «Преосвященный Питиримъ, передаетъ намъ современная ему лѣтопись Тамбовская, въ жизни своей пасъ съ ревностію врученное Ему Богомъ стадо, успѣвая въ добродѣтеляхъ. Всѣ великія заслуги и труды Святителя служили только внѣшнимъ выраженіемъ внутренняго его совершенства и достоинства. — Это былъ истинный пастырь словеснаго стада Христова, истинный свѣтильникъ, поставленный Отцемъ Небеснымъ для вразумленія и просвѣщенія невѣдущихъ и заблуждающихъ. Это былъ свѣжій, чистый источникъ, изъ котораго въ обиліи струились многочисленные ключи разнообразныхъ добродѣтелей. Всѣ великіе труды и усилія Архипастыря проистекали изъ чистаго, свѣтлаго источника, — изъ живаго сознанія высокаго своего долга. Тутъ не было никакихъ расчетовъ человѣческихъ,—расчетовъ своекорыстныхъ: Архипастырь употреблялъ послѣднее свое состояніе на пользу церкви и пасомыхъ; мало того,—Онъ не дорожилъ жизнію, чтобы только въ возможной мѣрѣ удовлетворить высокимъ требованіямъ высокаго служенія, чтобы быть сколько нибудь покойнымъ предъ собственною своею совѣстію. Но и при всѣхъ своихъ самопожертвованіяхъ, во глубинѣ смиренія, Архипастырь только сознавалъ свое недостоинство и видѣлъ только одни недостатки; — и вотъ смиренная его душа, проникнутая сознаніемъ безпредѣльной

милости Божіей, изливается непрестанно въ самой горячей, усердной молитвѣ къ Творцу Небесному. Любилъ Святитель молитву, и въ ней одной находилъ для себя покой и усладу послѣ трудовъ и горечей житейскихъ. Современная лѣтопись передаетъ намъ, что, любя молитву, Святитель не могъ пропустить ни одного служенія. Онъ любилъ вообще самъ священнодѣйствовать, чтобы, предстоя престолу Отца Небеснаго, живѣе и глубже сознавать свое недостоинство, но нужда заставляла иногда отказываться отъ собственнаго служенія и становиться на клиросъ, чтобы руководить и учить неопытныхъ чтецовъ.—Но не одинъ храмъ былъ мѣстомъ моленія для Святителя,—онъ молился день и ночь въ своемъ домѣ; онъ молился въ устроенной имъ Трегуляевской Обители, гдѣ пребывалъ нерѣдко и гдѣ былъ главнымъ началовождемъ и руководителемъ иночествующихъ. Молитвенный духъ не оставлялъ его и въ самыхъ бесѣдахъ и въ прогулкахъ. — Современники увѣковѣчили любовь Святителя къ молитвѣ въ замѣчательномъ его портретѣ. Мы видимъ Святителя на колѣнахъ молящагося предъ преподобнымъ Прокопіемъ, съ словами молитвы на устахъ: пастырю мой и наставниче мой, преподобне Отче Прокопіе! помолися Господу Богу о душѣ моей.—На этомъ портретѣ современники выразили и свое убѣжденіе въ силѣ и достоинствѣ молитвъ Архипастыря: принимая молитву Святителя, Преподобный въ тоже время самъ возноситъ за него молитву ко Всевышнему: «безсмертный Боже! Хвалу Тебѣ воздаю: Отецъ бо Единъ всѣмъ, помяни душу его, и сподоби сего царствія Небеснаго;»—и Господь ниспосылаетъ Свое благословеніе на молящагося Святителя.—Преданіе относитъ это изображеніе къ выраженію чудеснаго, откровеннаго явленія молящемуся Святителю,—что

служитъ доказательствомъ еще высшаго его достоинства.

Среди великихъ пастырскихъ трудовъ не оставлялъ Архипастырь и иноческихъ подвиговъ, на которые онъ посвятилъ себя съ раннихъ еще лѣтъ. Его Архіерейскій домъ былъ въ полномъ смыслѣ обителію, гдѣ подвизался Архипастырь съ нѣсколькими приближенными къ нему иноками. Здѣсь предпринималъ онъ и физическіе труды, самъ копая землю и занимаясь различными работами и сооруженіями, здѣсь и изнурялъ онъ себя постомъ, молитвою и воздержаніемъ. Но одной этой обители было недостаточно для Архипастыря: онъ хотѣлъ возобновить и въ Тамбовѣ любимую имъ Вяземскую Предтечеву пустынь. Построенный имъ Трегуляевъ Предтечевъ монастырь на память той обители былъ мѣстомъ иноческихъ его подвиговъ. Тутъ имѣлъ Святитель особую для себя келію среди братій,—и тутъ, какъ главный ихъ начальникъ и вождь, первый подавалъ имъ собою примѣръ строгой отшельнической жизни.

Чтобы восполнить болѣе слабо очерченную нами картину высоко нравственной жизни досточтимаго Архипастыря, приведемъ слова надгробія, оставленнаго намъ на память глубоко уважавшими его современниками: «Божіею милостію Преосвященный Питиримъ, епископъ Тамбовскій, его же честное тѣло и многотрудное положено въ семъ мѣстѣ. Аминь.» «Въ вѣрѣ и надеждѣ и любви пожилъ еси, приснопамятне; тѣмъ же тя Превѣчный Богъ, Емуже и работалъ еси, Самъ вчинитъ духъ твой въ мѣстѣ свѣтлѣ и краснѣ, идѣже праведніи упокоеваются, и получиши на судѣ Христовѣ оставленіе и велію милость.»

Велики были труды Святителя Питирима, высока и Богоугодна была его чистая, святая жизнь;—

и то и другое привлекало къ нему современниковъ и возбуждало въ нихъ полную, искреннюю любовь и благоговѣйное уваженіе. И то и другое, а особенно послѣднее, возбуждаетъ и наше искреннее къ нему расположеніе и дѣлаетъ для насъ священною его святую память. Достойная память Святителя останется священною и во всѣ грядущія поколѣнія, поколику добродѣтель всегда будетъ достолюбезна для людей и всегда будетъ высока и цѣнна въ очахъ Всевышняго.

Братіе христіане! поминая въ своихъ молитвахъ опочившаго Святителя, вознося за него безкровную жертву и творя подаяніе бѣднымъ на память его, мы исполняемъ въ точности его душевное завѣщаніе и творимъ дѣло, столько же угодное Святителю, сколько пріятное и Самому Господу. Но этого ли только желаетъ отъ насъ Святитель и того ли только требуетъ отъ насъ Господь?—*Поминайте*, говоритъ намъ слово Божіе, *наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихъ же взирающе на скончаніе жительства подражайте вѣрѣ ихъ* (Евр. 13, 7). Подражаніе святой Богоудной жизни Святителя—вотъ жертва вполнѣ угодная Святителю; онъ и при жизни главнымъ образомъ желалъ и искалъ спасенія людей, онъ и по смерти желаетъ и ищетъ тогоже, и самъ не престаетъ ходатайствовать предъ престоломъ Всевышняго о спасеніи всѣхъ, особенно его любящихъ.—Эта жерта вполнѣ угодна и Самому Господу.—Возмемъ въ образецъ своей жизни жизнь Святителя и, по его примѣру, исполняя вточности дѣло своего служенія, съ тѣмъ вмѣстѣ будемъ преуспѣвать и въ добродѣтеляхъ. Господь не оставитъ тогда и насъ Своею безконечною милостію, —и насъ не лишитъ вѣчной блаженной памяти, какой сподобилъ Святителя, а съ тѣмъ вмѣстѣ не

лишитъ и вѣчнаго, нескончаемаго блаженства праведныхъ. Не забудемъ, братіе, что только праведникъ будетъ въ вѣчную память и что только чистое и святое можетъ войти въ свѣтлыя обители Отца небеснаго. Аминь.

Соборный Свящ. Вас. Малиловскій.

28 Іюля,

1865 года.

Съ дозволенія цензуры. 11 Августа 1865 года.

Тамбовъ. Въ Типографіи Палаты Государ. Имуществъ.